

ВОДА

с сиропом

стоит три копейки

ОЛЬГА ПУСТОШИНСКАЯ

Ольга Пустошинская

Вода с сиропом стоит три копейки

«Автор»

2020

Пустошинская О.

Вода с сиропом стоит три копейки / О. Пустошинская —
«Автор», 2020

Раньше была и трава зеленее, и небо голубее, и мороженое вкуснее. А какая вода с сиропом из автомата по три копейки! Никакая пепси-кола не сравнится. Фантастическое возвращение в СССР для супругов Олега и Кати вначале становится необычным приключением, а потом — испытанием на прочность. Обложка сделана при помощи нейросети "Кандинский".

© Пустошинская О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ольга Пустошинская

Вода с сиропом стоит три копейки

Глава 1

Неожиданно к вечеру они засобирались домой. Так бывает, устали за неделю друг от друга, нагостились. Со свекровью Катя, слава богу, не скандалила, но Олег видел, что и она утомилась от бесконечных разговоров про удобрения для помидоров, про колорадского жука, которого травить-травить, а он с той отравы только жиреет.

Хотелось вернуться в свой уютный город, поставить машину на стоянку (такая удача, пять минут ходьбы – и дома), принять прохладный душ, задёрнуть в спальне лёгкие занавески, через которые проникал свет уличного фонаря, несколько не мешающий, а даже придающий уют, и лечь в постель.

Серый кот по кличке Котофей наверняка поджидает их, развалившись, по обыкновению, поперёк хозяйской кровати, мерцая круглыми глазами-пуговицами. Сдвинуть наглеца на край, вытянуть ноги и уснуть под его тихое урчание.

– Куда это вы на ночь глядя? Переночевали бы, а утром поехали, – растерянно и удивлённо мать переводила взгляд с сына на сноху. – Катя, оставайтесь, а?

– Да какая ночь, мам? Светло же... – рассмеялся Олег. – Двести километров – это не расстояние, завтра по жаре не хочется ехать.

– Владика бы оставили ещё на недельку... Нет?.. Ну как хотите.

Мать обидчиво поджала губы, но через минуту оттаяла, она не умела сердиться долго.

– Олежек, я недавно в шкафу убирала и нашла твои альбомы с коллекцией... как они называются-то? С монетами которые...

– Нумизматические, – подсказал Олег. – Давай заберу, я как раз на днях вспоминал о них.

– Забери конечно. Владика интересно будет поглядеть.

Мать покопалась в книжном шкафу и достала два небольших альбома – один для монет, второй для банкнот, ярко-красные обложки которых украшали золотые гербы СССР.

Уезжали, как обычно, не с пустыми руками: яблоки, помидоры и огурцы со своего участка в пластиковых ведёрках, бутерброды и чай в дорогу – вдруг Владик проголодается? – банки с соленьем да вареньем.

Олег распахнул деревянные ворота и вывел машину со двора.

– Позвоните, как приедете, – попросила мать.

Они покивали: хорошо, позвоним. Владик из окна долго махал ладошкой, потом угнездилился поудобнее с альбомами и погрузился в созерцание гривенников, пятак и полтинников.

Школьником Олежка с азартом собирал монеты, обмениваясь ими с такими же увлечёнными нумизматами. В его коллекции была как обычная мелочь, которая всегда водилась в карманах любого мальчишки или девчонки, так и достаточно ценные экземпляры, например, царская двухкопеечная монета с двуглавым орлом и буквой «ять», выклянченная у Серёжки Плотникова в обмен на олимпийский рубль с факелом.

Фантастической удачей была полученная в магазине на сдачу десятикопеечная монета 1921-го года, которую он сразу заметил в желобке. Дрожащими руками Олег сгрёб деньги в карман, отошёл на безопасное расстояние и только тогда подробно изучил гривенник, испытывая такую же радость, как если бы нежданно нашёл на дороге сто рублей.

Были у него несколько монет сороковых годов, в том числе и монеты-жетоны с танками. Великим наслаждением было рассматривать их, вооружившись лупой: ИС-7, Т-34, Т-26, БТ-7.

У приятеля Лёхи имелся в коллекции жетон с тяжёлым танком КВ-3, но он, чертяка, ни в какую меняться не хотел.

В те годы о специальном альбоме для хранения коллекции приходилось только мечтать. У взрослых нумизматов Олег видел подобную роскошь с маленькими кармашками-ячейками, но ему, мальчишке, такое счастье и не светило. Он мастерил самодельные холдеры, прошивая на маминой машинке прозрачную плёнку – и ведь неплохо получалось! – и лишь через годы купил настоящие нумизматические альбомы.

– Пап, а сейчас на эти деньги можно что-нибудь купить?

– Нет, сейчас на них ничего не купишь. Это монеты СССР, – объяснил Олег, вырuling на грунтовую дорогу. – Когда я и твоя мама были маленькими, тогда были в ходу эти деньги... Вот за эту трёхкопеечную монету получали стакан газированной воды с сиропом, за одну копейку – без сиропа. На каждой остановке стояли такие автоматы-сатураторы с гранёным стаканом в окошке. Его мыли сначала... ну как? Ставили вверх дном на решётку, нажимали – и фонтанчик воды мыл стакан. Пьёшь эту газировку, а газ так бьёт в нос... Ну да, одна тара на всех, но мы как-то не думали об этом... Роголик с маком стоил, кажется, пять копеек, хлеб – девятнадцать... Я до дома целый хлеб редко доносил, начинал есть по дороге.

– Ты был голодный? – расширил глаза Владик.

– Не-е-ет, вкусный же хлеб, свежий, корочка хрустящая... Как тут удержишься? За пятнадцать копеек можно было купить шоколадное мороженое, я его очень любил тогда. А ещё пломбир на развес в вафельных стаканчиках. Я, бывало, шикавал: покупал целых двести грамм пломбира... Стаканчики хрустящие, а мороженое какое... м-м-м... Сейчас совсем не то.

– Неужели тогда было вкуснее?

Олег повернул направо и ответил убеждённо:

– Конечно.

– Не слушай папу, – с улыбкой сказала Катя, – раньше и трава зеленее была, и дождь мокрее, и небо ярче.

– А что, разве не так?

– Ух ты, пятьдесят рублей... и сотня! – восхитился Владик, принявшись за альбом с бумажными купюрами.

Этими банкнотами Олег пополнил коллекцию в девяносто первом году, когда неожиданно изъяли из обращения пятидесяти и сторублёвые банкноты шестидесяти первого года, выделив на обмен всего три дня. Мать с отцом выстояли огромную очередь в сберкассах, проклиная Павлова, Горбачёва и иже с ними, обменяли две тысячи рублей на новые купюры. Остальные деньги, отложенные отцом на покупку машины, превратились в дырку от бублика.

Они лежали в серванте. Отец раздражался всякий раз, натываясь на купюры с профилем Ленина, и грозился порвать на мелкие клочки. Мать не давала, всё ещё надеясь, что когда-нибудь их реабилитируют, не верила, что правительство так нагло может ограбить людей, как карманник в автобусе. Несколько купюр из сервантных денег перекочевали к Олегу.

Катя задремала на переднем сиденье, убаюканная ровным шумом мотора. Дорогу Олег знал как свои пять пальцев. Вот сейчас проедет мост, а там будет дачный посёлок, кемпинг и целая вереница магазинчиков.

Солнце опустилось за горизонт, и сразу стемнело. Владик стал отчаянно зевать, повоzilся и уснул, пристроив под голову маленькую подушку. Вдруг машину сильно трянуло на колдобине.

– Что случилось? – резко открыла глаза Катя.

– Колесом в яму попал... Ровная же дорога всегда была, что за чертовщина?

– Не поминай чёрта к ночи, да ещё и при ребёнке.

– Да ладно, он спит... Удивляюсь, как можно было за неделю так ухайдакать асфальт, как будто танки проехали.

– Дорожное покрытие некачественное, – пожалала плечами Катя. – Слушай, а ведь на этом участке фонари были, да? А сейчас их нет.

– Демонтировали, что ли?

– Зачем их демонтировать?

Вот именно – зачем? На этом месте неделю назад возвышался громадный щит с рекламой мобильной связи, так же был поворот к дачному посёлку – на столбе ещё знак висел, – но ничего подобного сейчас не наблюдалось. Олег проехал ещё сотню метров, потом свернул к обочине и заглушил мотор.

– Почему остановились? – огляделась Катя.

– Кажется, мы заблудились. Сейчас навигатор настрою.

Как они могли сбиться с пути, было непонятно. Мост миновали, он хорошо это помнил, а дальше дорога одна, даже поворотов нет, но тем не менее... Олег открыл бардачок и достал мобильник, прикоснулся пальцем к сенсорному экрану.

– Связи нет... – озадаченно сказал он и пригладил пятернёй тёмные волосы. – Что за ерунда?

– И у меня тоже. – Катя отложила смартфон и неуверенно сказала: – Наверняка на этом участке и раньше не ловило, а мы просто не знали.

– Может быть... Ты посиди, я сейчас.

Олег вышел из машины, постоял недолго, оглядывая тёмные кроны деревьев, отошёл в сторонку, широко расставил ноги и расстегнул ширинку. С полным мочевым пузырьём думалось плохо.

Стало совсем темно. Наконец-то после изнуряющей жары подул свежий ветерок, тихо трещали в траве ночные насекомые. Мимо пронеслась светлая «Волга», ревя мотором и кивая фарами на колдобинах. Олег глянул на пустое дорожное полотно: и машин-то нет, если не считать только что проехавшей «Волги». Он уселся на водительское кресло, громко захлопнул дверь.

Владик завозился сзади, поднял взлохмаченную голову, посмотрел сонно:

– Как темно... Мы уже дома?

– Нет, сынок, ещё едем. Папа немного решил отдохнуть, – отозвалась Катя.

– Можно мне лечь?

Она махнула рукой: ложись. Владик отстегнул ремень, выбрался из детского кресла, быстро скинул сандалии и улёгся на сиденье, свернувшись калачиком. Олег щёлкал пальцем по рулю, выбивая барабанную дробь, хмурился.

– Не нравится мне это...

– Что не нравится?

– Всё не нравится. А, ладно, вернёмся к мосту! – Он включил зажигание, развернул «форд» и повёл в обратном направлении.

Смотрел по сторонам и не узнавал местности. Вот здесь была шашлычная, а теперь её нет, исчезли намозолившие глаза рекламные щиты, в изобилии стоявшие вдоль обочин. Если не появится мост, то вывод напрашивается один: непонятным, непостижимым образом они заблудились.

Мост стоял на своём месте, где ему и положено было находиться. Фары выхватили из темноты табличку: «р. Вишнёвка», теряющиеся в водной глади опоры, трепещущие верхушки деревьев. На этом сходство с тем мостом, который они проскочили час назад, заканчивалось. Ограждения были старыми, гнутыми и ржавыми, без светоотражательных катафот. Новый асфальт, проложенный в прошлом году, разошёлся трещинами и разломами.

– Указатель не врёт, это та самая Вишнёвка и тот самый мост, только... только старый какой-то. Не понимаю ничего, – растерялся Олег. – Катя, что это? Аномальная зона?

– Я не знаю.

Катя быстро скользила наманикюренным пальцем по экрану мобильного, пытаясь позвонить сестре, потом матери, потом подругам, но телефон глухо молчал. Тёмная прядь выбилась из её косы и упала на круглую щёку, Катя нервным движением заправила волосы за ухо.

– Два часа уже болтаемся на дороге, надо было у свекрови заночевать, она ведь так уговаривала.

– Ладно. Надо решать: или мы возвращаемся к матери в Рудники, или пытаемся добраться до дома. Как думаешь?

– К матери, разумеется, до неё ближе. Надо о Владике подумать.

– Идёт. Возвращаемся в Рудники.

Глава 2

Ночью похолодало, запотели окна «форда», спрятанного в лесочке подальше от чужих глаз; капли воды стекали вниз, оставляя кривые дорожки. Катя и Владик спали на разложенных сиденьях, прижавшись друг к другу и укрывшись одним на двоих лёгким покрывалом из багажника. Катино лицо с плотно сомкнутыми веками было грустным, как у несправедливо наказанного ребёнка, губы сложились в скорбную складку, чуть подрагивали длинные ресницы. Ночью она тихо плакала, чтобы не разбудить Владика, а Олег шёпотом утешал, говорил ободряющие слова, в которые сам не верил.

Пусть спят... Он вышел из машины, распрямляя затёкшее тело, сделал несколько приседаний и махов руками, восстанавливая кровообращение, напился минеральной воды из бутылки, умылся, поливая себе на ладонь.

«Как же я сразу не догадался? Только всё испортил... Олух царя небесного», – поморщился Олег, вспоминая перепуганную мать и злое лицо отца. А кто бы на его месте догадался?

Подъехав к родительскому дому, он остановил автомобиль возле высоких деревянных ворот, сказал Кате, чтобы ждала в машине и вышел наружу. Взглянул на ручные часы, затем на чёрные окна, в которых не было видно даже слабого света: мать, конечно, уже легла. Делать было нечего, пришлось будить.

Олег протянул руку, пытаясь нащупать звонок... и вдруг лай, и вдруг радостное повизгивание. Раньше, чем Олег успел сообразить, что у матери давно нет никакой собаки, он узнал этот лай, как узнал бы из сотни или даже тысячи других. Это был голос Найды.

– Найда?

Он легко перемахнул невысокий забор палисадника и очутился во дворе. Крупная овчарка метнулась к Олегу, забегала кругами, молотя хвостом по ногам, подпрыгивала, облизывая ему лицо.

– Найдочка... не может быть! Я сплю, это всё мне снится...

Маленькой и неуклюжей принёс отец Найду от соседской ошенившейся суки тридцать пять лет назад. Вместе с Олежкой она росла и превратилась в красивую собаку с умными глазами на удивительно доброй морде. Она прожила долгую собачью жизнь и умерла, когда Олег вернулся из армии. И вот Найда здесь, живая и здоровая. Растворился в туманной дали взрослый дядька-программист с седеющими висками, а остался семилетний мальчишка со сбитыми коленками, худой и тонкий, как тростинка.

– Узнала, узнала... псина ты моя...

Вдруг вспыхнул свет – это зажглась над крыльцом лампочка, скрипнула дверь, и раздался сердитый мужской голос:

– Кто там?!

Олег почувствовал, как гулко забухало в груди сердце, а ладони стали влажными: на пороге возник покойный отец в синей майке и семейных трусах. То есть не покойный, а совершенно живой и молодой, не старше самого Олега. В ярком свете было хорошо видно его лицо, сердитое и тревожное.

– Папа?

– Коля, кто это? – показалась из-за его плеча испуганная молодая женщина с небрежно заплетёнными волосами, в которой Олег сразу же признал мать. И даже вспомнил красный в белый горошек халат, наброшенный поверх сорочки, был у неё такой когда-то...

– Нина, зайди в дом! Сам разберусь, – сказал отец и посмотрел на Олега: – Кто ты такой и что тебе здесь надо?

Слишком большим потрясением было увидеть живого отца. Олег перестал соображать здраво, жалко улыбнулся и пробормотал:

– Папа... это я, Олег.

– Слушай сюда, Олег... или как тебя там... Я сейчас зайду в дом за дробовиком, и тебе не поздоровиться, когда вернусь. Уходи по-хорошему, – сурово предупредил отец и, чуть помедлив, скрылся в дверном проёме.

Надо было уходить, он слов на ветер не бросал, его папка. Олег обнял Найду и поцеловал в мокрый нос.

– Я ещё приду, Найдочка.

Озарённый внезапной идеей, он вытащил из брючного кармана телефон, настроил камеру и сфотографировал собаку. И поспешил ретироваться, а то, чего доброго, получит от родного батьки заряд дроби в зад.

Катя топталась возле ворот, испуганно прислушиваясь к звукам за калиткой.

– Что случилось? Кто там был?

– Потом объясню, едем отсюда!

Олег оглянулся на дом и увидел то, на что сразу не обратил внимания: с фасада исчез голубой сайдинг, смонтированный несколько лет назад; стены были оштукатурены и побелены, на окнах – ставни. В темноте не было видно их цвета, да это и не требовалось. Олег прекрасно помнил, что они синие с белым узором.

– Почему – едем? Где Нина Петровна? Она тебя не пустила? – удивилась Катя, но тем не менее послушно села в машину.

– Сейчас я всё выясню, – пробормотал Олег, включив зажигание, – сейчас...

Он погнал машину в центр тихого ночного города, с редкими проезжающими мимо жигулёнками и «москвичами», с магазинами без пышных названий, без сияющих огнями реклам, с разбегающимися трамвайными рельсами, которые окончательно демонтируют в две тысячи первом году, как «небезопасные для эксплуатации состояния инфраструктуры».

– Что происходит? Почему здесь всё так странно? – шёпотом, боясь разбудить спящего сына, спросила Катя.

– Сейчас... погоди.

Киоски и магазины были закрыты, улицы – пусты и безлюдны, если не считать неспешно прогуливающихся трёх парней, внимательно поглядывающих по сторонам. Олег заметил их, притормозил и вышел из машины.

– Молодые люди, подождите!

Те сразу остановились, переглянулись и приблизились, подозрительно глядя на поблёскивающий в фонарном свете «форд». На рукавах рубашек темнели повязки с надписью: «Дружинник».

– Здравствуйте. Мы не местные, из... из Польши приехали. – Скажите, сколько сейчас времени?

Один из парней понимающе улыбнулся, поднёс руку близко к лицу и сказал:

– Час тридцать.

– А число?

– Уже шестнадцатое.

Олег нащупал пачку «Винстона», вытряхнул сигареты и, приняв вид богатого простака, щедро предложил:

– Курите? Угощайтесь!

Один отказался, двое других осторожно вытянули по одной.

– Так вы из Польши? – спросил некурящий паренёк, рассматривая мокасины Олега и голубые джинсы, перевёл взгляд на майку с головой медведя в шапке-ушанке.

– Да... – улыбнулся во весь рот Олег. – Ми только что приехать, – добавил он с акцентом, коверкая слова. Назвался груздем, как говорится...

– А-а-а... вы в Москву на Олимпиаду едете, наверно? – озарилось догадкой лицо паренька.

На Олимпиаду!

– Да, в Москву, – вымученно улыбнулся Олег.

– А я сразу понял, что вы не отсюда, машина у вас заграничная, красивая... Вот, держите на память. Сувенир. – Дружинник вынул из кармана рубашки чуть помятую открытку с олимпийским мишкой с букетом тюльпанов в лапах.

– Олег, о чём он говорил? – жалобно спросила Катя. – Какая Олимпиада? Та, что будет в Сочи?

– Мы попали в июль восьмидесятого года... тысяча девятьсот восьмидесятого. СССР готовится к летней Олимпиаде.

– Что? Это шутка?

– Это правда. Я видел в доме своего молодого отца и мать. И там же, убеждённый в этом, спал я сам, в той маленькой комнате, где жил Владик. Вот такие пироги, Катюха...

До утра решили не светить в городе нездешней машиной, не привлекать ненужного внимания милиции. Заехали в ближайший лесочек и устроились на ночлег в «форде», разложив сиденья. Катя и Владик спали, а Олег почти не сомкнул глаз, только на какую-то минутку задремал.

«Может, мне это приснилось?» – подумал он, поморщился и потёр лоб. Снимок Найды в смартфоне ясно говорил, что это не сон и не галлюцинация, значит, и остальное тоже реально. Обидно, что батя принял Олега за воришку, теперь никак нельзя попадаться ему на глаза. Правда, есть ещё крохотная надежда, что в темноте он не рассмотрел Олега как следует.

Все эти годы он сильно тосковал по отцу, временами не веря, что его больше нет; часто думал, как бы поступил и что сказал бы отец, что одобрил бы, а чего – нет. Как хотелось снова обнять его, поговорить... Показать внука Владьку, которого он никогда не видел: умер от рака лёгких ещё до его рождения.

Шесть утра. Оживлённо щебетали, свистели и щёлкали птицы, перепархивая с ветки на ветку, радуясь, должно быть, солнцу и новому погожему дню. Мокасины Олега стали влажными от росы, майка за ночь измялась. Он потрогал подбородок – колючий. Эх, побриться бы и помыться, да негде. Вот попали так попали: ни документов, ни денег. Сначала они съедят яблоки с помидорами, потом соленье и варенье из банок, а потом хоть с протянутой рукой ходи по городскому парку, как Киса Воробьянинов: «Месье, жё не манж па сис жур». Хотя... Ну конечно, как же он мог забыть!

Олег почти бегом вернулся к машине. Вот они, альбомы с золотыми гербами, засунутые впопыхах между кресел. Монеты пусть себе лежат дальше, а вот купюры очень даже пригодятся! Он вытащил из кармашков все подходящие по годам банкноты, пересчитал. Шесть сотенных, семь пятидесятирублёвых бумажек, две десятки, пятирублёвка, потёртая трёшница и рубль. Итого – девятьсот семьдесят девять рублей, почти тысяча. Олег закинул руки за голову и тихо рассмеялся. Вот так нежданно-негаданно пригодятся опальные деньги.

Глава 3

Влад надкусил помидор, потряс над ним дорожной фарфоровой солонкой в виде белого мишки, заел бабушкиным бутербродом и запил сладким чаем из термоса. Завтрак в лесу и непривычная обстановка его ничуть не смущали.

Олег с Катей ссорились.

– Я не понимаю тебя, – сухо говорила Катя, – ночью ты уверял, что мы сегодня же поедем к мосту и попытаемся вернуться домой, а сейчас ты городишь такую чушь! Для чего нам здесь оставаться? И как ты объяснишь всё Владику?

– С Владом как раз всё просто. Скажу ему, что мы приехали в новый город, которого он никогда не видел. Пусть посмотрит, как жили... живут в СССР, увидит Рудники с трамваем, попробует газировки из автомата, посмотрит Олимпиаду по телевизору... Это же такое приключение! Деньги у нас есть.

– Тоннель, эта «кротовая нора», закроется... если уже не закрылась. Ты не просто так не торопишься уезжать. Какая причина?.. Отец?

Олег прислонился к дереву, прикрыл глаза:

– Да, отец. Я хочу с ним увидеться, поговорить... предостеречь, чтобы внимательнее относился к здоровью.

– Да он тебе не поверит, – фыркнула Катя. – Представь: сидит человек, пьёт чай и смотрит телевизор. Вдруг заявляется к нему взрослый мужик и говорит, что он Олег, его сын. А сын-то рядом в машинки играет. Кому он больше доверяет: тебе или своим глазам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.